

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 29. Буэнос-Айрес, февраль 2016

Теория политической легитимности испанского философа Хосе Ортега-и-Гассет

Легитимность и нелегитимность в истории

В прошлом 2015 году исполнилось шестьдесят лет со дня кончины известного испанского философа Хосе Ортега-и-Гассет. В русском мире он особенно известен по его социологическому произведению «Восстание масс». Оно было переведено на русский язык в конце сороковых годов прошлого века и было опубликовано тогда в русских эмигрантских издательствах. В западном мире обращалось больше внимания на его специфические философские теории. Однако, до сих пор сравнительно мало обращалось внимания на его **теорию политической легитимности**.

Толкование понятия «легитимность» выходит далеко за рамки политической науки. Оно тесно связано с социологией и, конечно, требует глубокого знания и понимания истории, являющейся экспериментальной лабораторией политики.

Теория политической легитимности испанского философа Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) изложена в его труде на историческую тему – *«Одна интерпретация мировой истории»* (Una interpretación de la historia universal). Однако эта теория основывается и на социологической системе философа, представленной, главным образом, в работах *«Идеи и верования»* (Ideas y creencias), *«Человек и люди»* (El hombre y la gente) и *«Восстание масс»* (La rebelión de las masas).

«Одна интерпретация мировой истории» впервые была издана посмертно в 1960 г. в Мадриде и представляет собой 12 лекций, прочитанных Ортегой в 1948–1949 годах в Мадриде, и посвященных критике монументального труда английского историка и эллиниста Арнольда Тойнби *«Исследование истории»*. Центральной темой этих лекций, по словам самого Ортеги, является *«анализ жизни, превращенной в нелегитимность»*, который Ортега делает на основании *«двух гигантских примеров нелегитимности, каковыми являются времена упадка Римской Республики и сегодняшние времена»*¹. Другими словами, Ортега считает, что главной причиной хронических кризисных состояний является нелегитимность их политических режимов. Значит, кризисное состояние невозможно окончательно преодолеть перестройками нелегитимности, а только лишь возстановлением легитимности.

Ортега особенно подчеркивает, что, согласно гипотезе Тойнби, субъектами истории являются цивилизации, или «большие общества», каковых за всю историю человечества было всего около двух десятков. Из них продолжают существовать, согласно Тойнби, всего лишь пять: западноевропейская, восточноевропейская, исламская, индийская и дальневосточная. (Справедливости ради следует отметить, что подобная теория впервые была выдвинута крупным русским мыслителем Н. Я. Данилевским.) Разделяя эту точку зрения Тойнби, Ортега возражает ему по отношению к его гипотезе о жизненных циклах отдельных цивилизаций и их «отцовско-сыновней» преемственности. Ортега оспаривает этот детерминистический подход к жизненному циклу цивилизаций, ранее высказанный

Шпенглером. Философу чуждо само понимание *предопределенного чередования разных исторических «формаций»*, ставшее модным под влиянием исторического материализма.

Ортега утверждает, что строгий научный анализ применим к истории только лишь одного государства – Римского, поскольку это единственное крупное государство, *начало и конец* которого нам хорошо известны. Научный анализ исторических процессов возможен лишь при условии «осцилирующего» созерцания **всего** исторического процесса, **от начала до конца**. Наш глаз наблюдателя, говорит Ортега, должен скользить по всему историческому периоду изучаемого явления, постоянно и многократно возвращаясь туда и обратно. Иллюстрируя эту свою теорию, Ортега и анализирует историю Римского Государства. Своего рода побочным продуктом этого анализа является теория Ортеги о политической легитимности, подкреплённая его собственной социологической доктриной. Эта блестящая теория, соединяющая историю, социологию и политику, демонстрирует хорошее понимание Ортегой римского менталитета, что особенно важно для точного научного определения ряда *римских политических терминов*, которыми интенсивно продолжает пользоваться и современная цивилизация. Среди них не последнее место занимает термин *легитимность*.

В связи с этим анализом Ортеги, нужно отметить, что все дальнейшие политические анализы, вытекающие из его теории, относящиеся к политическим системам продолжающим употреблять римскую политическую терминологию, необходимо делать с учётом той исторической действительности, в рамках которой эта терминология возникла. Анализы в данном исследовании тоже учитывают эту методологию.

Коллапсы вызваны потерей легитимности

Ортега вслед за Тойнби утверждает, что нации или народы являются лишь частями «больших обществ», или цивилизаций. Человеческая история – следствие проявления и взаимодействия этих цивилизаций.

Для того чтобы определить каждую из цивилизаций, необходимо уточнить ее протяженность во времени и пространстве. Тойнби и Ортега начинают этот анализ с западноевропейской цивилизации, конец которой еще не известен, ибо она еще не кончилась. Однако известно её начало – конец греко-римской цивилизации, которому предшествовал период великолетия Римской Империи, которую Тойнби называет «*универсальным государством*». Ортега подчеркивает большое значение, придаваемое Тойнби такому «универсальному государству», **прототипом и образцом** какового «*для Тойнби и для кого угодно*» является именно Римская Империя. Это и есть центральная тема труда Тойнби, говорит Ортега, и посему на неё надо обратить особое внимание.

Наибольший интерес в этой связи представляет вопрос, почему эта цивилизация (и вообще всякая цивилизация) приходит в **упадок** и в конечном итоге гибнет. Тойнби считает, что главной причиной упадка и последующей гибели является «*раскол в душе*» той или иной цивилизации. Однако Ортега заявляет, что следует рассматривать «*подобную действительность в свете идеи нелегитимности*», ибо главным образом **лишь нелегитимность в конечном счете ведет к упадку**.

Таким образом, суть истории постигается с помощью понятий «легитимность» – «нелегитимность». Исходя из этого, Ортега и предлагает свою собственную теорию легитимности, которая одновременно является и его *теорией общества*.

Легитимность при зарождении общественных структур

Ортега считает, что зарождение общественно-государственных образований у всех примитивных народов начинается с выдвижения *лидеров*, ведущих за собой всех членов формирующегося общества. Вожди способны создать и предложить *проект или программу общих действий*, особенно в моменты надвигающихся опасностей. Они в состоянии *приготовить* (по-испански *preparar*, по-латыни *preparare*) всё необходимое для того, чтобы данная акция была удачной. Такой «**приготовитель**», «**направитель**» или «**управитель**» (в том смысле, что он может *справиться* с делом) на архаической латыни

назывался **imparator** или **imperator**. Ортега отмечает, что самый древний из поэтов Рима Ennius употребляет слово *induperator*, которое уже в его время считалось очень архаичным. На близком к латыни языке племени осков такой лидер назывался *embratur*ⁱⁱ.

Так в обществе появляются **временные лидеры**. Они являются вождями первых недолговечных государственных образований, до тех пор, пока не исчезнет опасность или не кончится сражение. С момента появления лидеров и начинается общество как таковое, ибо масса людей, до того бывшая аморфной, получает *новую структуру*, состоящую из **предводителя** и его *последователей*.

Ортега считает, что от слова «следовать» (по-латыни *sequi, sequor*) происходит слово **socius**, *последователь* или *спутник*, а от него, в свою очередь, выражение *societas* – *общество*ⁱⁱⁱ. От этого же корня происходят слова *эзекуция, consequens* (последовательно), *ехекуиас* (буквально - «следование за гробом»), *секундант* и т. д. Значит, происходящее от этого же корня слово «социализм» никак не может выражать идею «равенства» в обществе, ибо оно обозначает, наоборот, *иерархическую структуру, сиречь неравенство*, утверждает Ортега.

На начальном этапе слово «император» еще не является перманентным титулом, оно всего лишь «нарицание», а посему не выражает никакой легитимности. После первого этапа наступает второй, когда в образующемся обществе формируется и «*созревает сложное, но одновременно определенное представление о жизни и мире*». Ортега исходит из того, что первоначально у римского народа, «*как и у всех народов всех времен, такое мировоззрение может быть только религиозным. Отдельный индивидуум или группа индивидуумов могут жить, имея нерелигиозное представление о мире, но народ как таковой не может иметь иных идей о мире, кроме религиозных*»^{iv}.

С развитием религиозного мировоззрения возникает необходимость в *постоянных определенных обрядах*. Однако обряды, касающиеся общественной жизни, не могут быть исполняемы любым членом общества, а лишь теми, кто в течение долгого времени заслужил *всеобщее признание*. То есть в обществе имеется *консенсус по поводу того*, что только эти люди обладают нужными предпосылками для исполнения религиозных обрядов от имени всего общества. Именно таким образом, говорит Ортега, появляется в обществе первая **постоянная власть**, вернее, **первый постоянный авторитет** и первая *постоянная государственная функция* в виде *управляющего «священнодействиями»* (по-латыни *sacrificium*), которые вскоре становятся, главным образом, жертвоприношениями. Такой **священный управляющий** (по-латыни **rex sacrorum**) выступает первой легитимной властью в обществе. Еще не существует никакого разделения властей, так что этот управляющий не является только лишь первосвященником. Он одновременно исполняет, по мере возможности, и **все другие** государственные функции: вождь войска, законодатель и верховный судья. Он обладает *полнотой власти*, он имеет, подчеркивает Ортега, *imperium legitimum* – *легитимное управление*^v. Значит, первая легитимная власть в государстве является **постоянной**, её не может исполнять любой, а только тот, кто имеет на это неоспоримое **предварительное право**.

Таким образом, *гех* (этот титул, мне кажется, было бы лучше переводить термином «князь», родственным германским «king» и «Koenig», а не «царь», как это принято в русской литературе) – уже не спонтанно возникающий временный вождь государства, каковым до этого был временный император, а **постоянный легитимный правитель**. Он не *временный управляющий*, а **постоянный правитель**, обладающий *полнотой легитимной власти*, как говорит Салустий. И он, конечно, подчеркивает Ортега, является «*царем милостью Божией*»: «*Первоначальная легитимность, прототипная, единственная компактная и насыщенная, всегда принадлежала у всех народов царю по милости Божией. В чистом виде другой легитимности нет*»^{vi}. С возникновением такой легитимной власти, временная, авантюрная и преходящая фигура императора как бы исчезает, но само это слово в Риме сохраняется (в Риме всегда вся терминология сохранялась), и потом присваивается **всем победоносным генералам**. Это логично, ибо все победы в конечном итоге тоже являются временными. Так, даже нелегитимные

титулы могут быть частично **сохранены под покровом легитимности**. Титул императора, без категории царя (рекса), снова всплывёт, когда легитимность в государстве исчезнет, а необходимость в сильной власти возрастет. Это будет император Римской Империи – от Юлия Цезаря до Константина Великого.

Государственные учреждения в рамках легитимности

Третий этап Римского Государства имеет исключительный характер как раз в связи с проблемами легитимности, считает Ортега. Дело в том, что через два с половиной века после установления Ромулом, первым царем Рима, монархической легитимности, в Риме разразился глубокий политический кризис: назрела необходимость прекратить существование монархии, но при условии **сохранения легитимности**.

Отступая немного в сторону от этих рассуждений Ортеги, необходимо отметить, что римляне называли свое государство *республикой* в течение всех трёх этапов его существования: царского периода – от 753 г. до 510 г. до Р. Х., консульского периода – от 510 г. до 30 г. до Р. Х. и имперского периода, после этой последней даты. Цицерон, на которого так любит ссылаться Ортега, пишет: «*когда в нашей **Республике** были цари*»^{vii}. Термин «республика» обозначает «**государство**», в смысле «*общее дело*». Лишь под влиянием антимонархической пропаганды во Франции в 18-ом веке, этому старому римскому выражению был придан антимонархический и даже агностический смысл, что является абсолютным искажением истины.

Этимологически, выражение *res publica* буквально значит «**народное дело**». Корень слова *publica* тот же самый, что и в словах «*populus*» (народ), «*populare*» (заселять), *племя, полк и полнота*. Слово «*populus*» было частью официального имени Римской Республики, а затем и Римской Империи: *Senatus Populusque Romanus*, Сенат и Народ Римский, на военных штандартах и монетах – сокращенно SPQR. В этом смысле, слово «республика» соответствует греческому термину «**литургия**», народное дело, от «**лаос**», народ, и «**ергон**», служба, дело, акция. Термин «республика» имеет еще одно значение, а именно «**публичное дело**», ибо даже в современных языках древнее латинское выражение *publicus* значит «публичный», в смысле не только «**общественное дело**», но одновременно также и в смысле «**публичное дело**», то есть не засекреченное, не законспирированное. Конституционная формула гласила, что все государственные дела в Римской Республике надо вершить всенародно, «**перед народом**». Значит, «республика» – это народное, общественное, не засекреченное, публичное, общее легитимное государственное дело. С несомненными религиозными предпосылками и элементами, в согласии с анализом Ортеги-и-Гассета, что подтверждается и употреблением его греческого варианта древней Христианской Церковью. В современной цивилизации таких государств не много.

Ортега подчеркивает, что при основании Римской Республики латинскими родами также присутствовали и сильные религиозные и политические **этрусские элементы**. Само имя «Рим» по-видимому этрусского происхождения. Однако первичное население Рима было в основном латинским. После смерти основателя Рима и его первого царя Ромула, римляне призывают себе в цари соседа иностранца, сабинянина Нуму Помпилия. Тит Ливий пишет, что это призвание было сделано на основании того, что «*Нума Помпилий был величайшим знатоком всего божественного и человеческого права*».

Как говорит известный историк Рима Теодор Моммзен, Рим возник в результате *соединения нескольких племен, живших в нескольких соседних деревнях*. Моммзен этот процесс называет «*синекией*», т. е. «*сожительство*» (от греческих слов «син» и «экос», «со» и «дом»). Такое же происхождение имел и Афинский полис, где «Синекия» даже считалась богиней. Так вот, Ортега предполагает, что в этом объединительном процессе нескольких латинских деревень в новый город Рим этрусски играли роль **катализатора**. Он даже допускает возможность, что первый царь Рима Ромул был как бы «поставлен» этрусками, независимо от того, был ли он этрусском или нет. Однако, несомненно, что не только народ Рима, но и его коренная «аристократия» принадлежали к латинской этнии и

говорили на латинском языке. Возможно даже, что эти латинские племена раньше имели своих племенных князей, как это было и у нас на Руси до призвания общего князя Рюрика. Ортега подчеркивает, что, несмотря на это, римляне никогда не отрицали исключительного вклада этрусков в их религиозную и государственную организацию, особенно в области обрядов и церемоний.

При первых царях Рима римская аристократия и римский народ не чувствовали чужестранного засилия, ибо, по-видимому, такового и не было. Лишь последние три царя были этрусскими чужеземцами: Тарквиний Старший, Сервий Тулий и Тарквиний Гордый, хотя оба Тарквиния были коринфского, т. е. греческого происхождения. Сервий Тулий больше всех, после Ромула, принял участие в создании характерных римских учреждений: организации *выборов по центуриям*, учреждения *призывных классов* в армию по признаку имущественного ценза (когда впервые и появился термин «пролетарии»), и т. д. Тит Ливий, отмечая, что Сервий Тулий царствовал 44 года, называет его правление *«законной и справедливой царской властью»*. Это правление было прервано цареубийством, после которого воцарился Луций Тарквиний, прозванный Гордым. Помимо того, что он был причастен к убийству своего предшественника, который был его тестем, он начал свое царствование с другого проявления несправедливости: он не позволил похоронить своего предшественника.

Тарквиний Гордый царствовал 25 лет и был изгнан из Рима за то, что его сын Секст Тарквиний обесчестил Лукрецию, жену видного римлянина Тарквиния Коллатина. Тит Ливий пишет: *«На собрании по центуриям префект города, в согласии с записками Сервия Тулия, провел выборы консулов. Избраны были Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин»*. Эти два консула впервые приняли **вдвоем** на себя царскую власть в Риме (как в Спарте), но сроком только на один год. По-видимому, поначалу их титул был *pretor maximus*, верховный предводитель. Позднейшее название «консул» значило «вместе выступающий».

Ортега подчеркивает, что римляне не предполагали менять самой сути своего государства и не собирались полностью отказываться от монархии. Они лишь хотели навсегда избавиться от возможности, что их царем может стать не просто чужеземец, а несправедливый и гордый чужеземец. Можно к этому добавить, что если чувство легитимности и было неразрывно связано с монархическим устройством государства, оно одновременно в неменьшей степени было связано и с чувством *справедливости*. (В начале Афинского полиса, афинский царь и герой Тесей впервые провозглашает *принцип справедливости* вместо мести, с тех пор являющийся основным принципом общеевропейской цивилизации, сегодня часто забываемым.)

Перед римлянами тогда, в 510 г. до Р. Х., встала дилемма: как преодолеть это противоречие, проявившееся в царствовании седьмого римского царя Тарквиния Гордого. Римляне не были теоретиками в области политики, они теории вообще не любили, но обладали большой политической мудростью и исключительным *чувством правосознания*. Это и помогло им найти выход из создавшегося положения: заменить одного пожизненно избранного монарха *двумя монархами*, выбранными *сроком на один год*. Вводились два ограничения: сокращение пожизненного срока до годового и создание двойной высшей власти (состоящей из двух лиц с абсолютно равными правами, каждый из которых имел право принимать единоличные решения и одновременно накладывать вето на решения своего соправителя). Тут встал один очень трудный вопрос: *как же сохранить и спасти не только общую государственную легитимность, но и правопреемство власти как таковой при такой радикальной реформе высшей власти?*

Во-первых, нужно иметь в виду, что римская монархия не была полностью *наследственной династической* монархией, хотя стремление к этому заметно за всё время царского периода. Сама природа монархической власти династична, но в Риме династичность никогда не была достигнута полностью. Причем её не существовало даже в третий, императорский период, за редкими и недолго длящимися исключениями. Более того, и в последующую эпоху Византийской империи, когда Константинопольские

императоры провозглашают себя наследниками одновременно Римских императоров и Ветхозаветных царей (как отметил император Фёдор Ласкарис в своей тронной речи в 1219 г.), династичность является труднодостижимым идеалом. Она проявилась полностью позже, в Третьем Риме, в Русском Православном Царстве. Именно это отсутствие строгой династичности и явилось одним из существенных условий сохранения легитимности при переходе от царской власти к консульской. Ведь, если выборы одного царя народом, с последующими утверждениями Сенатом и авгурами, были легитимными, то таковыми же были и выборы двух консулов, с помощью **точно такой же процедуры**.

Однако нужно иметь в виду и другое важное обстоятельство, а именно – **высшая власть в Риме не всегда была одновременно и верховной властью**. Наш великий ученый Лев Тихомиров, написав книгу «*Монархическая государственность*», внёс большой вклад в политическую науку, разделив государственную власть на *власть верховную* и на *управительные власти*. Тихомиров доказывает, что в Риме, как в царский, так и в консульский периоды, *верховой властью* обладал *римский народ*, ибо только он имел *право помилования, являющееся специфическим атрибутом верховной власти*. Цари, а затем консулы, являлись лишь *высшей управительной властью*, исполняя *верховную власть* только во время войны. Таким образом, исходя из этой теории, очевидно, что при государственной реформе в Риме, условно относимой к 510 г. до Р. Х., суть верховной власти не реформировалась, а была изменена только лишь *высшая управительная власть*. Значит, эта реформа не коснулась пласта легитимности на уровне верховной власти. (К сожалению, Ортега не мог быть знаком с трудами Льва Тихомирова, уничтоженными в процессе Русской Катастрофы. «Монархическая государственность» к 1923 г. сохранилась лишь в одном экземпляре в библиотеке Британского музея, где ее удалось найти, после четырехлетних поисков, группе русской эмигрантской молодежи. Эта книга тогда была переиздана малым тиражом, а затем снова переиздана в Буэнос-Айресе в 1968 г., благодаря чему она не погибла для России.)

В то время, как Афинская демократия терпела в своей среде внутренние засекреченные структуры, как Елевзинские мистерии, и признавала внешних оракулов, Римская Республика требовала строгой **публичности** и внутренней **самобытности** во всех своих политических и общественных делах. Она не терпела мистериальных конспиративных организаций, не ориентировалась на внешних оракулов и не включала в свою государственную и военную символику чуждые эзотерические изображения и знаки, с засекреченным первоначальным смыслом. Можно сказать, что мистериальность в Риме была признаком нелегитимности. В Римской Республике были публичные жреческие коллегии авгуров и понтификов, каковые находились **в симфонии с государством** и были **частью конституционного строя республики**. Посему, они должны были действовать в полном согласии с характером этой республики: публично, гласно, открыто, а не тайно или конспиративно.

Сама республика было во многих аспектах **сугубо религиозной**. Народные религиозные верования были одним из составляющих элементов этого государства, чья неписаная конституция обеспечивала симфонию между народными верованиями и государственными учреждениями. Больше того, некоторые **особо важные республиканские акты** (инаугурация магистратов, объявление войны, заключение мира) **должны были получить символическую религиозную санкцию**, без каковой эти акты не были ни легитимными ни действительными.

Соборный характер этого государства выражался не только в стремлении к достижению постоянно возобновляющегося политического **согласия** между гражданами-современниками всех сословий (*concordia ordini*, «**со-сердечия между разрядами**», по определению Цицерона), но также и в неизменном сохранении **симфонии с предками**. В труде Цицерона *De natura deorum*, в Третьей книге, этот конституционный принцип Римской Республики ясно сформулирован в диалоге между Луцилием Балбусом и Аврелием Котта. Балбус восхваляет религиозные принципы греческих стоиков, которые он разделяет, и призывает своего оппонента воспользоваться своим положением

верховного понтифика, чтобы способствовать утверждению этих религиозных принципов в Римском государстве. Когда ему отвечает, что он согласен защищать религию в Риме, но не на основании хитроумных аргументов греческих философов, а на основании **собственных римских традиций**, переданных ему его **предшественниками** в его должности: «*cum de religione agitur T. Corruuncanium, P. Scipionem, P. Scevolam pontifices maximos, non Zenonem aut Cleanthem aut Chrissippum sequor.*» [«Когда дело касается религии, я следую верховным понтификам Коррункунию, Сципиону и Сцеволе, а не (философам) Зенону, Клианфу или Криссиппу»].

Значит, переданные предками **заветы и традиции**, утвержденные соборным **авторитетом** предшественников, обеспечивают легитимность политической власти, если она их придерживается. Они не подлежат идеологическому обсуждению, а тем паче коренным искажениям, даже на основании меняющихся волеизъявлений временных большинств. Государство не может зависеть от переменчивого настроения таких большинств, иногда сменяющих сегодняшнее «осанна» на завтрашнее «распни Его».

Основные условия легитимности

Ортега подчеркивает, что «**монархическая легитимность** – первородна, образцова и прототипна. Поэтому она единственная является первоначальной, и в скрытом виде она продолжает существовать под всеми другими формами... Я утверждаю, что когда в каком-нибудь народе Греции, Италии или Европы была полная и чистая легитимность, это всегда была монархия, хотим ли мы этого или нет»^{viii}.

Вслед за первоначальной полной легитимностью в Рим приходит и легитимность другого типа, которую Ортега называет *несовершенной*, или «**демократической**, хотя само это слово сильно пострадало после Ялтинского соглашения в 1944 г.»^{ix}.

Демократическая легитимность, основанная на выборе главы государства народом, согласно Ортеге, неумолимо требует последующего **подтверждения на деле**, на основании результатов правления, т. е. подтверждения своей *эффективности*. Таким образом, эта **вторичная**, неполная легитимность требует **двойного оправдания: первоначального консенсуса** в момент выбора, каковой консенсус является субъективным, хотя и коллективным волеизъявлением большинства, и последующего объективного оправдания власти **результатами её деятельности**.

Однако конкретный случай смены в Риме царской власти на консульскую, так основательно разбираемый Ортегой, является, как сказано, исключительным явлением, ибо эта смена в действительности была частичной. Ортега утверждает, что первоначальная легитимность в Риме принадлежала не только царю, но *одновременно и Сенату*. Здесь мы подходим к другому вопросу, связанному с вопросом легитимности. Это вопрос *авторитарности*. Первоначальный смысл этого понятия сегодня не только существенно искажен, но и забыт.

Согласно Ортеге, понятия **легитимности** и **авторитарности** неразрывно связаны. В своем эссе «О Римской Империи», испанский философ обращает внимание на утверждение Цицерона о том, что *фундаментом Римского Государства являются две первоначальные авторитетные институции*, учрежденные самим Ромулом: **авгуры и Сенат**. Ортега подчеркивает, что Цицерон ставит **авгуров** на первое место перед Сенатом. Цицерон даже намекает на общий корень этих двух слов, утверждая, что «*в государстве основной и самый важный правопорядок опирается на авторитет авгуров*». («*Maximum autem et praestantissimum in re publica ius est augurum cum auctoritate coniunctum*». De legibus, 2, 31). В чем же заключалась конституционная исключительность этих двух учреждений Рима? В том, что и авгуры, и Сенат обладали «**авторитетом отцов**», «*auctoritas patrum*». В данном случае важно понять, что авторитет является не властью, а скорее *предохранительным тормозом* для этой власти. На любое решение верховной или исполнительной власти авгуры и Сенат имели право накладывать **вето**, если они считали, что такое решение может повредить *преумножению блага* государства и его народа.

Слово «аугуриум» обозначало *«рост, преумножение, предприятие»*. Оно происходит от корня «ауге», от него-же слова: *авгуры, авторитет, август, инаугурация*. На одной гравюре императора Петра Великого, сделанной в 1703 г. Шхонбеком, в надписи титул «Август» переводится словом «присноприбавитель»: *«Петр Первый император, присноприбавитель, царь и самодержец Всероссийский»*. А титул императоров Священной Римской Империи германской нации немцы переводят как *«Римской империи всегда увеличитель»*. (Romani imperii semper Augustus = des Romischen Reiches allzeit Mehrer.) Это немецкое слово mehrer, являющееся переводом латинского глагола augere, до сих пор сохраняется в тексте присяги канцлера Германии, во время его «инаугурации».

Немецкий ученый Арнольд А. Т. Эрхардт считает, что термин «аукторитас» *«настолько сложен, что он еще не разъяснен филологами. Авторитет не является чем-то самодостаточным, это средство для чего-то большего»*. В свою очередь, немецкий философ Карл Ясперс дает следующие определения: *«Ауктор – это тот, кто утверждает и поощряет нечто; аукторитас – это сила, служащая для того, чтобы производить, поддерживать и увеличивать»*. Однако это отнюдь не физическая сила и даже не «мирской авторитет», ибо *«всякий мирской авторитет неизбежно кончается потерей данного ему доверия, ибо претензия авторитета, не обладающего трансцендентностью, ведет к послушанию без трансцендентности»*^x. Более того, Карл Ясперс утверждает, что *«свобода не имеет содержания без авторитета, которому она подчиняется. Авторитет не является подлинным, если он не пробуждает свободу. Свобода существует только вместе с авторитетом. Авторитет и свобода могут спастись в нашу эпоху только при условии допущения веры»*^{xi}.

Короче и яснее это сказал 2000 лет тому назад Цицерон: *«Чтобы в государстве обеспечить согласие, «власть должна находиться у народа, а авторитет у Сената» («Potestas in populo, auctoritas in senatu sit.»)*. *«Я даю свободу народу для того, чтобы достойные имели и осуществляли авторитет»*. Чтобы *«свобода существовала на деле, а не на словах, она должна быть доверена славнейшим учреждениям, должна уступать авторитету первейших»* (Законы, III, 28, 38, 25). Ортега утверждает: *«Слово религия имело для римлян строгий смысл. Слово «аугуриум» обозначало только рост, приумножение, предприятие. От него происходят auctoritas, augustus. Понятия верований и государства взаимно переплетаются»*.

В наши дни этот смысл сохранен в слове «инаугурация», с помощью которого выражается претензия на легитимность новых властей при их вступлении на должность, хотя при этом не соблюдаются все условия авторитарности. Исторически первой инаугурацией было благословение авгуrom Ромула, после молитв и религиозных церемоний. Значит, исходя из этого, можно даже утверждать, что инаугурация на самом деле является благословением, дающим легитимность.

Таким образом, чтобы обеспечить в государстве подлинную легитимность, даже без формальной монархической власти, необходимо наличие нескольких элементов.

Во-первых, нужны два минимальных условия, без которых невозможна даже неполная демократическая легитимность: действительное предварительное народное согласие (консенсус) и последующая эффективность самой власти, подтверждаемая результатами её действий. Затем необходимо политическое правопреемство путем сохранения *изначальных монархических учреждений*, даже после формального конца монархии. Так в Риме и было, ибо до самого конца Римского Государства в нём продолжал существовать Сенат. Авгуры оставались до преобразования Римской Империи в христианскую, когда авторитет языческих авгуров был заменен *симфонией* с христианской Церковью. Как мы уже видели, первоначальный акт смены монархической власти на консульскую произошел не только с помощью **прежней процедуры** выбора и утверждения нового монарха, но и под возглавлением префекта Рима, бывшего заместителем и первым помощником царей, и с согласия Сената и Августов.

Кроме этих формальных политических условий, необходимо обратить особое внимание и на абсолютную необходимость сохранения авторитета лишь за *«хорошими и*

достойными». Это и есть требование *аристократии* в лучшем смысле слова. Аристократическим элементом в Римском Государстве был Сенат. Места в Сенате принадлежали представителям лучших родов *основателей* («отцов») Рима, наподобие того, как это было и у нас в Боярской Думе. Когда традиционные аристократические семьи в Риме прекратили свое существование, в Сенат стали выбирать и плебеев, то есть членов простонародья (потомков пришельцев, «приписных» римлян), но в принципе всегда только лучших из них. Значит, легитимность демократических выборов достигается полностью лишь тогда, когда эти **выборы** ведут к **отбору** лучших. Это формально выражалось и в самом названии кандидатов на должности республики: слово *кандидат* происходит от слова «кандидо», что означает белый, чистый, непорочный. **Отбор** лучших посредством **выборов** является одной из предпосылок **соборной** власти, в которой все её элементы подчиняются закону.

Интересно, что уже Платон и Аристотель считали монархическую власть наилучшей, но трудно осуществимой. Однако, если невозможно достичь такой наилучшей власти «одного наилучшего», они считали, что всегда можно достичь власти «нескольких лучших», то есть аристократии. Эти две власти являются легитимными *правильными политическими режимами*, «орфас политияс». Есть еще третий правильный политический режим, называемый Аристотелем «**полития**». Цицерон переводит это слово как «**республика**». Аристотель говорит, что это такой режим, в котором *большинство имеет право принимать решения, но одновременно меньшинство обладает правом утверждать или не утверждать эти решения*: «*В республиках... немногие обладают авторитетом отвергать, но не утверждать, ибо в таком случае предложение всегда предлагается на решение большинства*»^{xii}. Именно так и было в Римской Республике в консульский период, причем это меньшинство, обладающее правом утверждать или не утверждать решения, принятые народом (то есть правом на авторитарное вето), тоже было отбираемо самим народом. *Выборы были инструментом для отбора*. Именно это и делало их легитимными.

Легитимность покоится на фундаменте общих верований

Ортега-и-Гассет считает, что политический консенсус всегда основывается на «**общем полном веровании** в определенное представление о жизни и мире»^{xiii}.

«*Кто-то легитимен – царь, Сенат, консул, – когда его исполнение власти основано на компактном веровании всего народа в то, что он действительно является тем, кто имеет право исполнять её... Поэтому, когда это общее полное верование раскалывается, ослабляется или рассеивается, вместе с ним раскалывается и легитимность*»^{xiv}. «*За распадом верований и системы нравственных норм, то есть поведения, немедленно следует распад легитимности публичной власти*»^{xv}. «*Тогда нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе*»^{xvi}. Значит, перемена титулов и сроков носителей верховной власти в Риме в 510 г. до Р. Х. не повлекла за собой кризиса легитимности по той простой причине, что не было никакого кризиса в **народных верованиях** и не произошло никакой перемены в **отношениях верховной власти** к этим верованиям. Более того, эта перемена верховной власти не повлекла за собой упразднения легитимного источника авторитарности, ибо авторитарность с самого начала вытекала одновременно из трех источников: *царя, авгуров и Сената*. Когда царь был лишен всех политических и военных прерогатив, сохранив лишь религиозные, и стал одним из жертвоприносителей, с титулом *rex sacrorum*, он уже не мог быть источником авторитарности. В свою очередь, его наследники – два консула – не обладали «авторитетом отцов». Однако другие два источника этого авторитета – *авгуры и Сенат* – не только продолжали беспрепятственно существовать, но их роль в новых условиях консульского периода стала еще более значимой.

Кроме того, из всех этих трех первичных обладателей авторитета в Риме именно Сенат обладал им в наиболее совершенной форме. По этому поводу Ортега пишет:

«*Для римлянина времен (консульской) республики Сенат является учреждением, олицетворяющим наиболее полную и почитаемую легитимность, то, что они называли*

"авторитетом отцов" (*auctoritas patrum*). Основанием для этого было их чувство, что Сенат является учреждением, в котором в скрытой форме **сохраняется монархия**, без ее недостатков... Кроме того, он состоял, в своем самом славном и почитаемом ядре, из древних царских семейств, отцов или вождей, родов или кланов. Сенат также был и продолжал быть "милостью Божией". Поэтому, когда Цицерон восстанавливает легенду об истоках Рима, в разгар эпохи трагической нелегитимности, он говорит, что римляне обязаны Ромулу учреждением или созданием **двух самых важных институций** в публичной жизни Рима: **предзнаменований авгуров и Сената**. Другими словами, римский народ верил в трансцендентное, почти сверхчеловеческое право Сената осуществлять свой авторитет. Я говорю, что народ римский верил, а не тот или этот индивидуум верил. Это было **коллективное верование**, общий консенсус, действовавший полностью в общественном организме»^{xvii}.

Таким образом, правопреемство римской консульской республики от римской монархии было полным и совершенным, ибо оно осуществлялось одновременно по нескольким параллельным каналам: сохранялись все прежние должности и учреждения, сохранялось прежнее право и ничуть не повреждались общие религиозные и нравственные верования народа. Причем Ортега неоднократно отмечает, что все эти каналы были соединены между собой, так что можно сказать, что текущее по ним правопреемство держалось всегда на одной высоте. Как пример тому, можно указать на толкование Ортегой особого значения *права* для римлян. Философ считает, что исключительный характер римского права отнюдь не зависит от самого содержания его норм и законов. Конкретное **содержание** римского права зависело, в первую очередь, от чисто прагматического согласия в обществе по отдельным спорным вопросам. Раз достигнутое согласие принималось безоговорочно всеми. Кроме того, Ортега отмечает, что содержание этого права, достигаемое путем политического согласия, менялось очень медленно. Римляне, утверждает Ортега, не только не любили, но просто не переносили «инфляции законов». Законы менялись, главным образом, путем добавления новых, а старые, в принципе, всегда сохранялись. Со времени составления «Двенадцати таблиц» деценвирами в 451 г. до Р. Х. и до 529 г. после Р. Х., когда был составлен «Кодекс» императора Юстиниана Великого (т. е. практически почти в течение целого тысячелетия), теоретически все римские законы продолжали быть действительными. Отличительной характеристикой римского права было *специфическое отношение римского народа к самому праву*. Римский народ верил в абсолютный приоритет права в обществе. И если, согласно древнему выражению, «где общество, там и право», то «там, где право, там и общество, а там, где нет права, там нет и общества». Правопреемство права и верований переплетались между собой.

Здесь необходимо добавить еще одну характеристику римского политического строя, которую Ортега довольно часто и всесторонне описывает и отмечает, но никогда конкретно не называет. Не называет по той простой причине, что ни в древнем латинском языке, ни в современных европейских языках для неё нет точного соответствующего слова. Однако этот термин существует и употребляется в славянских языках, особенно в русском и в сербско-хорватском. Это – **соборность**. На Западе употребляется термин греческого происхождения, соответствующий этому термину «соборность» – «кафоличность», в котором греческая «фита» на Западе произносится как «т». Это слово имеет корни греческих слов «ката» и «олон», «в согласии со всеми», но его смысл на Западе искажен. Аристотель употребляет выражение *καθολου*, «кафолу», т. е., «кафолическое», коллективное, всеобщее, универсальное. (Аристотель, Политика, 1292 а).

Говоря о «коллективном консенсусе», Ортега подразумевает именно эту политическую **соборность**, так же, как и описываемое им **совместное политическое делание** римского народа и римского Сената и вообще всех римских учреждений. Само официальное имя Римского Государства выражало такое согласие, подчеркивает Ортега: S. P. Q. R. (*Senatus Populusque Romanus*) – «Сенат и Народ Римский». Мне кажется, что Ортега вплотную подходит к термину «соборность», когда утверждает, что

первоначальным названием римских *курий* было «*ко-вир-ия*» («со-мужие», собрание, собор). Интересно, что сам Сенат римляне называли «курией», собранием, собором.

Значит, в Риме легитимность зависела не только от правопреемства учреждений, титулов и законов, но также и от *сохранения изначальной авторитарности и соборности в государстве*.

Коренной смысл легитимности

В заключение можно предложить синтез всех этих условий легитимности и правопреемства, пользуясь для этого Аристотелевскими определениями *государства* (полиса) и его *политического строя* (политон политияс). Аристотель говорит, что «*если изменяется и делается иным политический строй (полития), то по необходимости государство (полис) тоже перестанет быть прежним*»^{xviii}.

Согласно Аристотелю, политический строй, или *конституция* (неважно, писаная или неписаная), является *самым важным элементом государства*. Действительно, это тот элемент, который **фиксирует соотношение между остальными элементами государства**, между властью, территорией, населением и верованиями этого населения.

В Римском Государстве в течение его более чем двухтысячелетнего существования (753 до Р. Х. – 1453 после Р. Х.) случалось много кризисов и крупных перемен, но никогда не было существенно нарушено легитимное правопреемство. Не было нарушено, ибо никогда радикально не менялось *конституционное соотношение между властью и народом, и его верованиями*. Верховная власть и политические власти этого государства в конечном итоге *всегда соотносились с народными верованиями*.

Даже преобразование Римской империи из языческой в христианскую, в период между царями Константином Великим и Феодосием Великим, было вызвано **переменой религиозных верований** римского общества. Но в самих *отношениях между властью и верованиями народа* радикальных сдвигов практически никогда не было. Даже если в этих отношениях наступал длительный кризис, как, например, во времена иконоборческой ереси византийских императоров, политическая стабилизация государства наступала лишь после преодоления этих кризисов в **отношениях между властью и народными верованиями**. В конечном счете, именно в этом последнем пласте общественной действительности и кроется коренной смысл политической легитимности.

Резерв легитимности: постоянный регентский совет

В заключение, необходимо обратить внимание на формальные условия легитимности, отмечаемые Ортегой. Легитимность политической власти не только основывается на выше отмеченных началах и принципах. Она также зависит и от ряда неизбежных формальных условий. Как мы уже видели, легитимная политическая власть должна быть признана всеми государственными элементами. В Римской Республике это были (в этом порядке): Сенат, народ и авгуры. Кроме того, политическая власть должна была перед началом исполнения своих функций получить **публичное благословение**, каковое мы сегодня стыдливо называем «инаугурацией», сокращая его при этом лишь до чисто светского акта, хотя во многих современных государствах еще сохраняется присяга новых властителей на Священном Писании, в том числе в Аргентине и в США.

Однако, Ортега-и-Гассет обращает внимание на еще одно важное и неотменимое условие легитимности: новая политическая власть полностью легитимна лишь тогда, **когда предыдущие носители власти публично её признают и подтверждают её правопреемство** непосредственным физическим с ней контактом. Ортега отмечает, что и в римской армии **возложение рук** было важным актом, особенно при передаче командования, который римляне называли *manus dare* (откуда и *comandare*, командовать), а греки «**хиротония**», рукоположение (хотя у греков это последнее слово также обозначало и «голосование поднятием руки»). Значит, любая революционная власть уже по самому своему определению никак не может быть легитимной, ибо она

свергает и уничтожает ту единственную инстанцию, которая может подтвердить её легитимность.

Именно это формальное условие легитимности в Римской Республике вызвало и привело к созданию единственного, по некоторым своим характеристикам, в истории человечества учреждения: **Римского Сената**. Римский Сенат обладал многими весьма оригинальными и интересными качествами и характеристиками, но в конечном итоге его самой важной политической функцией было **обеспечить легитимное правопреемство государственной власти даже в случае гибели всех предыдущих носителей этой власти**. Значит, Римский Сенат был постоянным, **перманентным регентским советом** Римской Республики.

Сенат обеспечивал устойчивость, длительность и продолжительность реальной политической власти в Риме. Римский Сенат был своего рода **осадком** опытной **политической элиты** римского государства. Моммзен определяет Сенат Рима следующим образом: *«Сенат – это учреждение, образованное из мужей не только назначенных в силу своего происхождения, но также и выбранных волей народа, каждые пять лет подтверждаемых нравственным трибуналом (цензоров). В Сенате состояли пожизненно лишь самые достойные (граждане), свободные от краткосрочных мандатов и от меняющегося мнения толпы... Сенат включал в себя весь политический ум и весь государственный опыт нации»*. (Теодор Моммзен. Римская история. Книга II, глава III, 33).

(Вызывают удивление современные грубые искажения самого понятия «Сенат». Этимология этого выражения указывает на Сенат, как на **корпорацию старейшин, старших, «отцов»**, как говорили сами римляне, или на **«старшую дружину»**, как говорили у нас на Древней Руси. Однако, в современном мире этот римский политический термин употребляется в смысле корпорации **временно участвующих** в ней **временно выбранных по федеральном признаку** представителей, выдвинутых политическими партиями. Это не имеет ничего общего с первоначальным смыслом этой римской институции. Ведь не могут же старейшины и отцы быть лишь временно таковыми. Откуда произошло сегодня такое расхождение между первоначальным понятием и его первоначальным выражением? Существует гипотеза, что когда некоторые западные религиозные секты, загнанные в подполье Инквизицией, решили выйти из этого подполья через идеологические надстройки, ими же в подполье надуманные и сконструированные, они были вынуждены пользоваться уже существующей и всем известной традиционной терминологией, но с сфальсифицированным смыслом, для соответствующего употребления.)

Первоначально, цари назначали сенаторами **старейшин** ста, а затем трехсот традиционных родов Рима. Затем, назначения сенаторов, тоже из традиционных знатных родов, производили цензоры. Кроме того, выбираемые (из бывших консулов) каждые пять лет два цензора, для составления цензовых призывных списков всех граждан, имели право безапелляционно вычеркивать из списка сенаторов его недостойных членов. После конституционных реформ Корнелия Суллы (+ 78 до Р. Х.), сенаторами назначались квесторы, когда они заканчивали свой годичный срок служения. В Риме ежегодно выбирали квесторов (сначала четырёх, потом десять, и, наконец, двадцать), являвшихся самыми младшими сановниками Римской Республики. Кандидаты в квесторы должны были быть старше 30-и лет. После отбытия своей годовой службы на этой должности, квесторы назначались **пожизненными** членами Сената. Таким образом, Римский Сенат состоял из пожизненных сенаторов, число каковых варьировало в зависимости от ежегодной смертности сенаторов. (Теоретически, до Суллы Сенат должен был состоять из 300, а после Суллы из 600 сенаторов). Кандидатами на более высшие республиканские должности эдильей, преторов, консулов и цензоров могли быть **только лишь члены Сената**, причем, в порядке прохождения ими «курса чести» вышеназванных должностей (cursus honorum), с перерывами между ними. Это обозначало, что потенциальные кандидаты в верховные правители должны были состоять много лет в Сенате, а значить и

пройти несколько раз «цензуру на достоинство», совершаемую каждые пять лет. Значит, Римский Сенат был своего рода **питомником опытных и достойных кандидатов** на возглавление государства, ибо лишь те сенаторы могли быть кандидатами в консулы, которые до этого уже были преторами, т. е. командирами легионов и судьями.

Именно в этом и заключалась главная суть римской конституционной реформы 510 года: не в сокращении срока власти до одного лишь года и не в выборе двух возглавителей государства вместо одного, как в Спарте, а в **категорическом ограничении круга кандидатов, из числа которых могли быть выбраны и назначены возглавители государства**. Это было предохранением от возможных «подсовываний» кандидатов в правители со стороны или из подполья, для закабаления государства и его превращения в инструмент частных или корпоративных интересов. Римский Сенат приобрёл этот характер **постоянного регентского совета** сразу же после смерти Ромула, основателя и первого царя Рима. Тит Ливий описывает в его *«Истории от основания Рима»* как это произошло, сразу после смерти Ромула:

*«Отцами (т. е. сенаторами) овладел страх, что могут оживиться многочисленные окружающие государства и какой-нибудь сильный враг застанет Рим лишенным власти, а войско лишенным вождя. Всем был ясно, что какой-то глава нужен, но никто не мог решиться уступить другому. А потому сто отцов разделились на десятки, и в каждой десятке выбрали главного, поделив таким образом управление государством. Правил десять человек, но знаки власти и ликторы были у одного; по истечении пяти дней их полномочия истекали и власть переходила к следующей десятке... Перерыв этот получил название **междуцарствия**... Потом простонародье стало роптать... Когда отцы почувствовали, какой оборот принимает дело... они постановили, что **когда народ назначит царя, решение будет считаться принятым лишь после того как его утвердят отцы**... Это так польстило народу, что он, не желая оставаться в долгу, постановил только, чтобы Сенат вынес решение кому быть в Риме царем... Когда названо было имя соседа сабинянина Нумы Помпилия, славившегося справедливостью и благочестием... отцы единодушно решили передать царство Нуме Помпилию. Приглашенный в Рим, он, следуя примеру Ромула... повелел и о себе вопросить волю богов. Тогда авгур, чье занятие отныне сделалось почетною и **пожизненной государственной должностью**, привел Нуму в крепость... Переложив жезл в левую руку, **а правую руку возложив на голову Нумы, авгур помолился**... Нумя сошел с этого места уже царём...».* Так произошла **первая инаугурация** в истории человечества.

Какие предварительные правовые легитимирующие акты должны были быть произведены до этой первой инаугурации? Сперва, весь народ, *populus*, то есть отцы-основатели (патриции) Рима и их потомки, совместно с приписанными пришельцами (*plebis*), предложили кандидата в цари, и уполномочили Сенат его назначить от их имени и одновременно утвердить это назначение. Ранее выбранный Сенатом очередной междуцарь подтвердил это назначение, а затем авгур возложил с молитвой свои руки на нового царя. Значит, сохранялась прямая передача власти, с необходимым физическим контактом между предыдущим и новым правителем, завершающаяся религиозным благословением, с возложением рук, перед народом. Однако, если непосредственное назначение предыдущим правителем становилось невозможным из-за его смерти, то в таком случае сенат назначал междуцаря (*interrex*), для того, чтобы этот междуцарь назначил нового царя или новых консулов. Можно задать вопрос: Но в таком случае, сам междуцарь всё-таки был нелегитимен, ибо его не назначил предыдущий царь или консул? Он был легитимен, ибо его назначили совместно все сенаторы, которые ранее были назначены, в том числе и с этой целью, предыдущим царём или цензором. Значит, Сенат был главным источником легитимной власти в Риме. Сенат коллективно сохранял легитимность при любых условиях.

Когда в Римской Республике царская власть была заменена властью двух консулов после 510 года, значение Сената как хранителя легитимности еще больше увеличилось, ибо с этого момента кандидатами в консулы могли быть только лишь члены Сената,

которые до этого прошли через все предыдущие должности. До этого, кандидатами в цари могли быть все, даже иностранцы. (Из семи римских царей, четыре царя были иностранцами, из которых с двумя были затем затруднения). Посему, даже можно предполагать, что среди главных причин для смены одного пожизненного царя на двух годичных консулов было также и решение, что впредь кандидатами в верховные предводители (pretor maximo) Римской Республики могут быть только лишь опытные члены Сената.

Тит Ливий так описывает чередование царей Рима после Нумы Помпилия:

*«Нума умер, и вновь наступило междуцарствие. Затем народ избрал царём Тулла Гостилия... отцы утвердили это решение... По смерти Тулла, вновь, как установилось искони, **вся власть перешла к отцам** (сенаторам), и они назначили междуцаря. На созванном ими сходе, народ избрал царём Анка Марция; **отцы утвердили этот выбор**. Анк Марций был внуком царя Нумы Помпилия, сыном его дочери... Анк царствовал двадцать четыре года... Ужас распространился в Риме при известии об этом поражении... Теперь оба консула, оба консульских войска были разбиты: откуда взять других предводителей, другие легионы? Так рассуждали они в испуге, как вдруг вернулся консул Семпроний. Подвергаясь страшной опасности, он пробрался сквозь рассеявшуюся повсюду для грабежа неприятельскую конницу (карфагенян), ведомый лишь отвагою и не расчетом и даже не надеждой обмануть бдительность врага... он провел консульские выборы, что было тогда наиболее насущной потребностью...»*

Без легитимности нет безопасности ни устойчивости

Известный русский историк Михаил Валерианович Зызыкин (скончавшийся и похороненный в Аргентине) пишет: *«Римский Сенат был той **традиционной властью**, которая в течение веков руководила государством и довела его до величайшей мощи, и в течение I и II века, когда республика превратилась в Империю, эта власть стояла на страже законности и своим избранием узаконила власть императоров. Цель и назначение Великой Империи было внесение в мир **начал справедливости и рационального права**. Это было воплощение Аристотелевского учения о том, что стремлением государства должно быть не богатство, не могущество, а **добродетель**. И ещё в начале III века процветали наука, искусства, архитектура, литература, образование, земледелие, промышленность, торговля. Но в конце того же века исчезла и управлявшая государством аристократия, разорившаяся и **утратившая традиции**, исчезла и цветущая цивилизация, созданная веками, ибо в результате анархии явилось всеобщее понижение интересов, экономическое разорение и уменьшение населения. Причиной этой грандиозной перемены было именно **уничтожение традиционной власти**. Когда после революции 235 года римские легионы свергли императора Александра Севера, настало время, когда один император свергался за другим меняющимся настроением легионов и переменным успехом постоянных гражданских войн. Если раньше законность Императорской власти определялась избранием традиционного учреждения, то теперь она являлась результатом силы, случая, настроения, и жизненный строй потерял всякую устойчивость. **Исчез принцип законности.**» (М. В. Зызыкин. Патриарх Никон. Варшава, Синодальная типография, 1938).*

Ортега-и-Гассет обращает внимание на исторические исследования другого русского учёного-эмигранта, Михаила Ивановича Ростовцева, без которых *«мы не могли бы полностью понять истории Рима»*. М. И. Ростовцев считает, что кризис Римской Империи и коллапс её западной части был вызван главным образом не нашествием варваров, а иссяканием творческой энергии у римской элиты, римского ведущего класса. Хотя Римская Республика и продолжала формально сохранять свои два аристократических сословия, класс сенаторов и класс всадников, они перестали быть хранителями реальной власти и творческого руководства и стали постепенно вырождаться. В результате, падала также и экономическая производительность, а затем наступил и всеобщий социальный и государственный кризис.

В данных случаях применимо известное биологическое правило, что **«функция создает орган»**: если Римский Сенат был лишен своих специфических функций после целого тысячелетия их успешного выполнения, он больше не мог быть **питомником политической элиты**, каковая была сменена «номенклатурой». Так в Римской Империи была достигнута нелегитимность. Подмена **свободного творчества, в рамках легитимного политического строя**, бюрократическими и милитаристическими методами и структурами, в рамках нелегитимных политических манипуляций, всегда ведёт, в конечном итоге, к застою и к общему упадку, а затем и к краху, если вовремя не начнётся возрождение. Известный английский историк Арнольд Тойнби считает, что крах микенской культуры в Древней Греции в XII веке до Р. Х. в основном тоже был вызван аналогичными причинами. (**Arnold Toynby, The Greeks and their Heritages.**)

После преобразования Империи, уже со столицей в Новом Риме (по-русски Царьграде), роль Сената снова изменилась. Имперский Сенат был переведён в Новый Рим, хотя и в старом Риме продолжал еще некоторое время существовать местный городской Сенат. Многие сенаторские семьи переехали тогда из Рима в Константинополь, где они получили землю от Константина Великого. Правда, полного восстановления своего бывшего чрезвычайного уникального суверенитета времён консульского периода Сенат не получил, ибо сам этот период оказался преодоленным возвратом к монархии. Однако Сенат продолжал быть краеугольным камнем имперской системы учреждений и пользоваться большим авторитетом, вскоре под греческим названием **Синклита** («Созванные», от «кликать»). Без согласия Синклита и Патриарха никто не мог быть легитимным Царём в Новом Риме. Кроме того, Синклит в Константинополе наблюдал за работой всех высших государственных органов. Итальянская учёная Сильвия Ронкей, в её труде «Византийское государство», особенно подчеркивает, что, в течение всего своего тысячелетнего существования, *«Константинопольское царство было светским государством, управляемым многонациональной, просвещённой и космополитической элитой, в согласии с римским правом».* (**Silvia Ronchey. Lo Stato bizantino. 2002, Torino.**)

Святой Владимир, после Крещения и выбора принадлежности России к Православной Цивилизации, учредил **новый Синклит**, как и в Византии, сперва под названием «Старшей Дружины», а затем **«Боярской Думы»**, которая **слитно и нераздельно** участвовала в Верховной Власти (Суверенитете) Князя, а затем Царя, что является оригинальным творческим созданием русской политической мысли и практики. Согласно Летописи, Боярская Дума была им первоначально учреждена для **«думания о строе и об Уставах Земли Русской»**, как об этом заявило Московское посольство в Польше в 1610 году, во время Смутного Времени: *«И бе Володимер думая с дружиной о строу земленем и уставе земленем».*

На Руси, Боярская Дума стала краеугольным камнем неписаной Конституции Государства Российского, особенно после **учреждения Царской власти в 1547 году**. Царским решением от 1550 года, Боярская Дума получила возможность расширения в **Земский Собор**, через включение выборных представителей от всех сословий народа. Дума была Совещательной властью, созываемой Верховной Властью, для совместного с ней участия в этой власти, в размерах установленных Верховной Властью. *«Боярская Дума неотдѣлима отъ царской власти. Права ея не были опредѣлены закономъ, а держались, какъ фактъ бытовой на обычномъ правѣ. Общая законодательная формула была: „Царь указалъ и бояре приговорили“. Законъ представлялся, какъ результатъ неразрывной дѣятельности царя и Боярской Думы. Въ сферѣ административной вмѣстѣ съ царемъ она назначала центральныхъ и мѣстныхъ правителей. Веденіе текущихъ дѣлъ находилось подѣ постояннымъ контролемъ Думы.»* (**М. В. Зызыкин. Патриарх Никон.**)

В отсутствие царя, Дума могла сама принимать все необходимые законы и решения. Самый блестящий приговор Думы состоял всего лишь из трёх слов, ибо Дума не нуждалась в идеологическом словоблудии: **«Морским судам быть»**. Так был восстановлен Русский Морской военный флот, впервые после морских походов Древней Руси на Царьград и в Средиземное Море в X и XI веках. После учреждения

Правительствующего Сената 22 февраля 1711 года, Боярская Дума до сих пор больше не созывалась, хотя она никогда и не была упразднена, так что она всегда может быть снова созванна. +

- ⁱ José Ortega y Gasset. *Una interpretación de la historia universal*. Madrid, 1960. 360 p.
Перевод с испанского всюду сделан автором этой статьи.
- ⁱⁱ Ibid. P. 156.
- ⁱⁱⁱ Ibid. P. 157, 188.
- ^{iv} Ibid. P. 158.
- ^v Ibid. P. 161.
- ^{vi} Ibid.
- ^{vii} Ciceron M. T. De legibus. 3, 4.
- ^{viii} Ibid. P. 167.
- ^{ix} Ibid. P. 168.
- ^x Jaspers K. *Libertad y autoridad*. Diógenes. Buenos Aires, 1952. № 1.
- ^{xi} Ibid.
- ^{xii} Аристотель. *Политика*. 1299 а.
- ^{xiii} Ortega y Gasset J. Op.cit. P. 190.
- ^{xiv} Ibid. P. 174.
- ^{xv} Ibid. P. 226.
- ^{xvi} Ibid. P. 228.
- ^{xvii} Ibid. P. 170–171.
- ^{xviii} Аристотель. *Политика*. 1268 в.

И. Н. Андрушкевич

Все предыдущие номера «Русских тетрадей» помещены на блоге:
<http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar/>

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.
№ 29. Буэнос-Айрес, февраль 2016 года. X год издания. Издается на правах рукописи.
Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. При использовании материалов ссылка на источник обязательна. Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com